

Памяти хорошей женщины.

Съ Анной Ивановной Комаровой пришлось мнѣ сойтись близко годъ назадъ, когда уже война наложила свою руку на Россію, и мы только что начали комитетскую работу, на которую позвалъ насъ Епископъ Анатолій. Помню, какъ немѣло взялись мы за работу, и изъ всѣхъ насъ она стала намъ примѣромъ: тихая, сдержанная во время самыхъ горячихъ споровъ, умѣвшая не отвлекаться отъ дѣла и спокойно кроить безчисленныя солдатскія рубашки подъ гулъ нашихъ голосовъ.

Мнѣ и ранѣе нравилось ея милое, красивое лицо, манера говорить, улыбка: что-то мягкое, истинно женственное было во всѣхъ ея движеніяхъ, а за короткое время нашей совмѣстной работы я успѣла крѣпко ее полюбить.

Насъ обѣихъ оторвала отъ общественной работы болѣзнь, и мы долго не видѣлись; встрѣтившись случайно ранней осенью, мы обрадовались другъ другу.

— Работать не могу—пожаловалась она.—И томить меня это. Теперь вся Россія работаетъ....

Я утѣшила ее, какъ могла, и мы обрѣшили приняться за дѣло, какъ только поправимся. Разставшись, я нѣсколько разъ обертывалась, кланяясь ей, встрѣчая въ отвѣтъ долгій взглядъ и милую улыбку... Болѣе я ее не видала живою.

Она была художница и чутко понимала настроеніе души и неба. Можетъ быть, это чуткое пониманіе красило жизнь милой женщины. Я мало знаю объ этой жизни, но думаю, что и для нея, труженницы, изъ-подъ чьей кисти выходили озаренныя свѣтомъ картины, эта жизнь была „не праздникъ, не цѣль наслажденья, а работа, въ которой таилось подчасъ много скорби и много сомнѣній“.

Мнѣ всегда нравилась ея милая семья: мужъ, дѣти: чувствовалось, что тутъ тоже прошли черезъ испытанія жизни, что всѣ члены семьи связаны теплой и нѣжной любовью, мать была центромъ, солнцемъ и свѣтомъ дома, эта милая нѣжная, ласковая мать. Она любила солнце, и солнце точно

захотѣло приласкать усопшую: оно ярко залило храмъ и блѣдное красивое лицо въ гробу, такое же милое, какъ при жизни. Меня глубоко тронула рѣчь Владыки Анатолія, теплая, задушевная, простая, согрѣвшая сердце всѣхъ, кто услыхалъ ее.

Мнѣ подь стройное пѣніе пѣвчихъ казалось, что хоронять не теперь, не въ наши дни военной брани, тревоги и печали, а въ дни первыхъ христіанъ: такъ мирно было лицо почившей. Она забыла скорби міра, ушла къ Отцу небесному отъ этихъ скорбей, отдавъ родинѣ поступившихъ въ военное училище двухъ старшихъ сыновей.

Можетъ быть, это разбило ее сердце, чуткое, больное, умѣвшее совершать незамѣтные подвиги, великое сердце русской женщины-матери. И всѣ мы, кто перенесъ и переноситъ горе разлуки съ дѣтьми, будемъ молиться за нее, за свѣтлый покой ей въ вѣчности, гдѣ отдыхаютъ страдающіе, за ея, кроткой рабы Божьей Анны, вѣчный покой.

А. Макарова-Мирская.